

4. *Выготский Л.С.* Вопросы теории и истории психологии: соч. в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1.
5. *Автономова Н.С.* Концепции бессознательного: гносеологический статус // Филос. науки. – 1985. – № 5. – С. 81–91.
6. Бессознательное: природа, функции, методы исследования: мат-лы междунар. симпозиума: в 4 т. – Тбилиси: Мецниереба, 1978.
7. Зигмунд Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур: мат-лы Российско-Австрийской науч. конф. (апрель, 2000 г.) // Вопросы философии. – 2000. – № 10.
8. *Mac-Intyre A.* Das Unbewusste. Eine Begriffsanalyse. – Frankfurt/M., 1963.
9. *Kretschmer W.* Psychoanalyse im Widerstreit. – München, Basel, 1982.
10. *Ленин В.И.* Философские тетради // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 29.
11. *Крымский С.Б.* Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. – Киев: Наук. думка, 1980.
12. *Гегель Г.* Наука логики: соч.– М.: Соцэкгиз, 1937. – Т. 5.
13. *Желнов М.В.* Предмет философии в истории философии. – М.: Изд-во МГУ, 1981.
14. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – № 6–7.

УДК 101.1:316

О.А. Глушенкова

**ПРОСТРАНСТВО СМЕРТИ И ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ
В ОСМЫСЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
1930-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА
«КОТЛОВАН»)**

О.А. Glushenkova

**THE SPACE OF DEATH AND THE SPACE OF LIFE IN THE
JUDGMENT OF SOVIET REALITY OF THE 1930-s
(BASING ON THE STORY BY A. PLATONOV "FOUNDATION PIT")**

Культурная значимость концептуального осмысления советской действительности, в особенности периода становления – 1930-х годов, в настоящее время очень актуальна. Философская рефлексия над спорными, с точки зрения интерпретаторов, и тяжелыми годами сталинского режима необходима для национального самосознания. Литературные тексты современников способны репрезентировать

действительность не спорными историческими данными, но видением художника, человека. В статье рассматривается наиболее резонансный текст, написанный в 30-е годы в СССР, – «Котлован» А. Платонова. Традиционное осмысление повести как панихиды советскому режиму пересматривается, и предлагается его новая интерпретация как выхода за пределы смерти – к воскрешению. Главному герою приписывается статус проводника, на контрасте которого идет четкое разграничение пространств: с одной стороны, будущего – как жизни, с другой, пространства стагнации котлована – как смерти. В интерпретации текста учитывается культурный «багаж» советской России 30-х годов. Проводится осмысление традиционно пессимистического текста в позитивном ключе, что, в свою очередь, коренным образом меняет репрезентацию А. Платоновым действительности, современником которой он был.

Ключевые слова: А. Платонов, СССР, «Котлован», пространство текста, пространство смерти, загробный мир.

Cultural importance of conceptual judgment of the Soviet reality, in particular the formation period of the 1930-s is very actual now. The philosophical reflection over disputable, from the point of view of interpreters, and difficult years of Stalin mode is necessary for national consciousness. Literary texts of contemporaries are capable of representing the reality not controversial to historical data, but vision of the artist, person. In the article the most resonant text written in the 30th years to the USSR - A. Platonov's "Ditch" is considered. The traditional judgment of the story as memorial services to the Soviet mode is reconsidered, and its new interpretation as an exit out of death limits to revival is offered. To the main character the status of the conductor on which contrast there is an accurate differentiation of spaces is attributed: on the one hand, the future as lives, on the other, the spaces of stagnation, the ditch as death. In the interpretation of the text cultural "baggage" of the Soviet Russia of the 30-s is considered. The judgment of traditionally pessimistic text is positively carried out that, in turn, radically changes the representation by A. Platonov of the reality which contemporary he was.

Keywords: A. Platonov, USSR, " Foundation pit", text space, death space, the afterlife.

«Котлован» – неопубликованная при жизни повесть А. Платонова, доступная широкому кругу читателей с 1987 года. Работа над текстом проходила в 1929–1930 годы, по времени совпав с публикацией статьи

И. Сталина «Год Великого перелома» (Правда, 7 ноября 1929), посвященной апологии коллективизации сельского хозяйства. Преддверием второй пятилетки (1933–1937), посвященной коллективизации, становится Постановление Политбюро ЦК ВКП от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», фактически имеющее цель уничтожения «кулака» как класса, что, согласно Определению Верховного суда РФ от 30.03.1999, признается политической репрессией. Изменения в крестьянском укладе, фактическое разделение общества на бедняков, середняков и кулаков – этот феномен возникновения классового врага с последующим его уничтожением отражается в «Котловане», а несколькими годами ранее – в романе «Чевенгур». Убийства «кулаков» в текстах Платонова напоминают методичное уничтожение вредителей и не окрашены в трагические тона: «дальше кулак встречался гуще» – будто сорное растение. Но фактический характер массовых уничтожений заставляет уже читателя отрефлексировать это событие как несомненное «злодеяние». Именно поэтому традиционный анализ «Котлована» ориентирован на обличение советской действительности, и сам текст представлен как скорбная иллюстрация сталинского террора, а повесть – как надгробие режиму. Идеологическая принадлежность самого писателя достаточно риторично, поэтому и исследователи не могут дать однозначного ответа о его подлинном отношении к событиям, современником и свидетелем которых он был, что позволяет рассмотреть феномен раскулачивания, представленного Платоновым, более объемно. Создание образа внутреннего врага – метод, уже ставший классическим в политической жизни общества, аналогом чего является принцип «разделяй и властвуй». Но тотальное уничтожение «врага» и лишение власти того самого «козла отпущения» для масс в классическую концепцию не вписывается. Принцип «уничтожение кулака как класса» следует за сворачиванием политики НЭПа, как следствие – ликвидация человеческой прослойки «нэпманов». И если вторые существовали преимущественно в пространстве городов, то первые, зажиточные крестьяне, использующие наемный труд, – в пространстве деревни. Они до первых двух пятилеток, когда началась усиленная урбанизация, оставались доминирующими. В аграрной Российской империи, огромной по площади, городские центры находились на большом расстоянии друг от друга и были окружены сельской местностью. Характер неприятия кулака и нэпмана схож, но только неприятие первого оформляется в полноценную доктрину благодаря массовости охвата. Немногочисленный по сравнению с крестьянством пролетариат представлял собой симулякр Советского государства середины 20-х годов прошлого столетия, символ революции. Основная масса – те самые «середняки и бедняки», как они были определены в постановлении ВКП. Им противопоставлялось расплывчатое понятие

«кулачества» – класса эксплуататоров крестьянства. В «Котловане» происходит ликвидация крестьян действующими лицами, пролетариатом, символически слитым с крестьянством: «где-нибудь там ветры начинаются, происходят холодные тучи, разводится разная комариная мелочь и болезни, размышляют кулаки и спит сельская отсталость, а пролетариат живет один, в этой скучной пустоте, и обязан за всех все выдумать и сделать вручную вещь долгой жизни» [5]. В предложении подчеркивается антитеза между «размышляющим кулаком» и «пролетариатом», который обязан «выдумать и сделать». Пролетариат в данном случае уравнивается с крестьянством, представляя собой одно целое – без разделения на род деятельности.

Важен характер глаголов, относящихся к «кулаку» и «пролетарию»: размышление преимущественно метафизично, оно не предполагает действий, замыкаясь в себе, тогда как «выдумать и сделать» относится напрямую к практике. Очевидна параллель с тезисом Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его» [2]. Таким образом, размышления представлены буржуазной философией, которая принципиально отлична от новой – диалектической, присущей мышлению пролетарских масс. Но каков характер уничтожения? «Кулак» не является принципиально чуждым пролетариату, согласно Платонову, что понятно из реплики его героя: «Мы же, согласно пленума, обязаны их (кулаков) ликвидировать не меньше как класс, чтобы весь пролетариат и батрачье сословие осиротели от врагов!» [5]. Осиротели, таким образом, от родственной части, бывшей единым. «Враги» представляются в терминах современной философии как «Другой». «Другой» – персонально-субъектная артикуляция феномена, обозначенного классической традицией как «свое иное» [1]. «Родственные» в смыслах Платонова – ведь осиротеть можно только от «своего», но представленные «Иным» кулаки необходимы для определения символического пролетариата в пространстве деревни. Уничтожение «Другого» представляет собой механизм самоидентификации. Позднее французский философ-экзистенциалист Сартр скажет: «мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия» [6]. Также и героям Платонова требовалась родная, но при этом «Иная» классовая масса для онтологического рождения, более того – преодоления смерти в «веществе долгой жизни».

Сложно говорить о буквальной нравственной оценке А. Платоновым происходящего, в том числе традиционного злодеяния – убийства. Мораль существует в пространстве культуры, оцениваясь человеком: она субъективна постольку, поскольку субъективны любые культурные, осмысляемые человеком понятия. В противоположность смерти – умирание, лишение жизни существа – процесс сугубо биологический и объективный, он присутствует вне человеческого сознания, в отличие от фе-

номена смерти. В работе «Человек для себя» австрийский философ Э. Фромм рассуждает об экзистенциальной дихотомии человека, о разрушении разумом животной «гармонии», о его беспомощности. Последняя проявляется в человеческой способности предвидеть свой конец – смерть [7]. Для гармоничного с природой животного смерть не является составляющей его жизни, только боль – это очевидно из отсутствия в природе похоронных обрядов и традиционного для человека страха перед покойником, страдания над ушедшим в иной мир. Здесь необходимо подчеркнуть особенное отношение к умиранию в текстах А. Платонова. В повести «Сокровенный человек» Фома Пухов, главный герой, «на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки». Пухов не был бесчувственным человеком и жену свою действительно жалел, но «Естество свое берет!», – как он заключает. Подремав после погребения, он почувствовал свою бесприютность и скуку в отсутствие привычного человека, но успокаивает себя фразой «Все совершается по законам природы!». Фома Пухов не воспринимает смерть как трагедию, экзистенциальную дихотомию, а стремится к исконно животному восприятию, природному, отсюда его «естество» и «по законам природы». В «Котловане» умирает мать девочки Насти, но ребенок не скорбит по ней и только волнуется, что «живота ее нету, мне не на чем спать головой» [5]. Женщина же, «повернувшись, умерла лицом вниз», не страдая, а только думая, что всегда теперь будет одна. Фактически умерев, она не «переживает смерть» для рабочих, так как ее тело еще сохранилось: «Пойдем посмотреть ее, она еще цела», – говорит Чиклин, цель существования которого в труде. И только инженер Прушевский, несчастный и «думающий о смерти», восклицает, увидев тело: «Она уже мертвая!». Настя умирает также незаметно: «А девчонка, товарищ Чиклин, не дышит: захолодала с чего-то», но её агония показана гораздо объемнее, чем у других героев. Это связано с особой центральной ролью девочки в повести, о чем будет сказано позднее.

Писательский взгляд не выражает страдания, текст не импульсивен и отношение к умиранию ровное, как и у большинства героев – из массы пролетариата, сторонников революции. Но и последняя, идентифицируясь через своих родственных врагов – буржуев и кулаков, не едина в своем составе. Мыслящие смерть герои метафизичны, они склонны размышлять – это и Воцев, и Прушевский, в некоторой степени Александр Дванов. Другие же, целью которых служит труд и действие, не морализируют акт смерти, просто не воспринимая его традиционно трагедией. Были приведены примеры умирания людей близких, которые могли занимать пространство пролетариата, для которого и действует революция. Что говорить о массе, чье уничтожение необходимо для контрастности и самоидентификации, – о кулаках и буржуях? На пространстве текстов А. Платонова нет острого переживания смерти, потому что от-

сутствует сама ее культурная составляющая – мораль. Уничтожение враждебного класса с последующим осиротением пролетариата – сугубо онтологическая процедура самоидентификации, имеющая дело с ментальным пространством, именно поэтому бессмысленно вопрошать об отношении писателя к фактическим репрессиям. Более того, а может ли испытать смерть то, что уже умерло? Некоторые исследователи склоняются к мнению, что платоновский текст – «это царство смерти везде» [3], и понять, кто из героев жив, а кто уже нет, не представляется возможным. Это положение разъясняет и мгновенное умирание героев – далеко отправляться не надо, пространства жизни все равно нет.

Освобождая «Котлован» от роли трагического пророчества, стоит проанализировать его объемнее, в контексте пусть не пророчества, но указания пути, так как повесть знаковая и изобилует символами и культурными параллелями. Стоит обратиться к ментальному пространству Российской империи накануне революции. Согласно статистическому ежегоднику от 1914 года, сельское население в России составляло 85 %; по данным Всеобщей переписи населения от 1897 года, 70 % жителей дореволюционной России исповедовали православие, еще 9 – католицизм, 5 – протестантизм и 1 процент – прочие христиане, то есть практически 85 % населения исповедовали христианство. Таким образом, на пороге революционных преобразований Российская империя оставалась аграрной страной с доминирующей государственной религией: согласно той же переписи 1897 года, только 27 % населения, не считая детей до 9 лет, были грамотными, то есть имели возможность получать более широкое представление о мироустройстве, чем их неграмотные соотечественники. Основа культурного пространства преимущественно безграмотного населения – это фольклор и библейские сюжеты. Последние особенно значимы как онтологический базис социалистического реализма. Идея родственности социализма и евангелистского учения не нова, в конечном итоге они апеллируют к единому понятию мирового братства и любви.

Андрей Платонов учился в церковно-приходской школе, что дает уверенность в его знании основных библейских сюжетов и позволяет проводить параллели с библейскими текстами. Культурная революция 20-х годов выдвигает новые идеи интернационализма и победы мирового пролетариата, равенства всего трудящегося народа. Данный императив получает широкое распространение в православном государстве, в том числе из-за его скрытой евангельской основы.

В «Котловане» особое значение имеют организация пространства текста и направленность дискуса в нем. Повесть разделена на две части, через которые читатель осуществляет переход при помощи героя-проводника Вощева. Это пространство завода, с которого Вощева увольняют в самом начале, и пространство котлована и его обитателей, куда

попадает Воцев и где происходят ключевые события повести. Первое – это мир живых, второе же – мир мертвых. Данный тезис требует уточнения. Воцев является проводником в буквальном смысле, так как именно «попадание» в котлован затруднительно для человека и требует определенных ритуалов – переход от пространства живых к пространству мертвых. Человек не «выбрасывается» в небытие мгновенно, по окончании жизни, что соответствует атеистическим взглядам. Христианская традиция предполагает бытийную основу загробного мира, равноценное, а в какой-то степени и более значимое, чем земное пространство, – некое Царствие небесное. Но в православии гораздо меньше внимания уделяется фактическому описанию как ада, так и рая – вечного блаженства. Если художником средневековых католических морализаторских воззрений становится Данте, то в православии подобных репрезентаций ужасов последствий грешной жизни не встречается. Так, Симеон Новый Богослов утверждает: «Ад и тамошние муки всяк представляет так, как желает, но каковы они, никто решительно не знает», подчеркивая их субъективный характер и отказываясь от иллюстрирования загробного мира. Таким образом, в православной традиции остается значительное пространство для интерпретации происходящего после смерти, что и находит отражение в платоновских текстах. Воцева увольняют с завода из-за слабосильности. Завод символизирует жизнь фактическую, материальную: «счастье произойдет от материализма» – говорят Воцеву в завкоме. «Кто действовать будет?» – спрашивают его, упрекая в излишней задумчивости на производстве. Завод – это механизированное производство, у Платонова же все механизмы символизируют жизнь и будущность. В «Котловане» не дается описание завода, – оно намеренно опускается из-за незначимости пространства жизни в тексте; повесть начинается с известия, что Воцева «уволнили». Но он не сразу попадает в пространство котлована; здесь писатель отдает дань тщательно разработанным христианским похоронным обрядам, которые и служат для Воцева, а через него и для читателя, проводником в мир мертвых.

Воцеву дали расчет с завода, где он «добывал средства для своего существования» [5]. Таким образом, его жизнь остается за пространством повести, с первых же строк мы понимаем, что он больше не добывает средства для существования, фактически – не существует. «В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда» – увольнительным документом представлено свидетельство о смерти, выход за пределы жизни, труда – завода. Воцева не увольняют, он умирает и в повести появляется уже неживым. Со своей квартиры он вышел, чтобы понять своё будущее, но «воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге – в природе было такое положение».

Природа застывает, что подчеркивает автор в последней фразе, все останавливается для мертвеца-героя. Затем Воцев идет в пивную за границей города, где слышит где-то вдали духовой оркестр, который играет на похоронах. С наступлением ночи герой не идет на свою квартиру, а ложится в овраг за пределами города, «чтобы уснуть и расстаться с собою». Традиционно кладбища расположены за городом – так разделяется пространство живых и мертвых. Воцев сам погружается в землю, но не находит там успокоения, к утру «он с сожалением открыл налившиеся влажной силой глаза». Неудивительно, так как душа в течение трех дней находится на земле и не может упокоиться. На второй день Воцев посещает завком – место прежней жизни, пытаясь остаться хоть на какой-то должности, но его не принимают обратно, утверждая, что «счастье произойдет от материализма», его же отвергают. Покинув места своей жизни, Воцев «очутился в пространстве, где был перед ним лишь горизонт». Шел второй день после смерти. Покинув город, герой идет вперед без понимания цели, испытывая сомнения, что характерно для состояния души после смерти: «души умерших не только не лишаются своих чувств, но не теряют и расположений своих, т.е. надежды и страха, радости и скорби» [4]. Платонов подчеркивает, что «все предавалось безответному существованию, один Воцев отделился и молчал», то есть не существовал вместе с окружающим миром, в котором дул ветер и кричали петухи [5]. В тексте подчеркивается связь движения героя с его душой, он быстро уставал, «как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать». К вечеру второго дня герой приходит в город, который «начинался кузницей». Рядом с кузнецом крутится безногий инвалид, надоедая ему и требуя отсыпать табаку. Инвалида Жачева Платонов представляет очень ярко: «у калеки не было ног – одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые скупно отверстые глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту его терлись десны, произнося неслышные мысли безногого». И если кузнец является персонажем мифическим, символизирующим связь с потусторонним миром, то Жачев – такой же мертвец, как Воцев. Его душа испытывает страсти: когда он смотрит на проходящих мимо пионерок, у него «надулось лицо безвыходной кровью, он простонал звук и пошевелил рукою в глубине кармана». Но услышав упрек Воцева, он оправдывается, что глядит на детей для памяти, так как помрет скоро. Глаза Жачева наблюдают «посторонний для них мир», что указывает на то, что он, так же как и Воцев, находится в переходном состоянии – его душа блуждает, ожидая погребения. Поки-

нув кузнеца, Воцев еще бродит по городу, наблюдая все со стороны и маясь. Идет второй день после смерти. Последнее, что видит герой, – это строящаяся башня, которая почти завершена. Её образ сквозной, позднее он будет противопоставлен основному пространству повести – обратной башне, котловану. Воцев уходит из города и находит себе «теплую яму», где и устраивается на ночлег и засыпает. К полуночи – когда наступает фактически третий день, когда Воцева требуется похоронить, к нему подходит косарь и велит отправляться спать в барак. Косарь символизирует проводника в загробный мир, смерть. Отправляясь, куда ему велит косарь, Воцев видит дощатый сарай, внутри которого спят люди. Они «были худы, как умершие». Деревянный барак – пролетарская домовина, гроб, в котором упокоились рабочие. С ними ложится и Воцев, чтобы на утро попасть в иное пространство – загробный мир, как его представил А. Платонов, пространство котлована.

Таким образом, традиционное понимание котлована как части действительности, тлена и конечности советского социума остается под вопросом. Автор совершенно явно дистанцирует пространства повести: жизни и смерти. При этом жизнь остается за границами основного повествования – герой-проводник Воцев наблюдает ее со стороны, окончательно осознавая себя только в пространстве смерти – котловане, которое и доминирует в тексте. При таком осмыслении кардинально меняется картина мира в повести – типичное осмысление «Котлована» как панихиды по советской действительности представляется проблематичным. Смерть девочки Насти, трактуемая как гибель будущего под лозунгом «Как жить дальше-то, если при этом режиме дети умирают?», представляется в несколько ином свете. Котлован и всех его обитателей отторгает пространство жизни, через которое проходит Воцев в течение трех дней перед «погребением». Таким образом, смерть Насти представляется уже не буквальной гибелью, а выходом за пределы загробного мира – обратной смертью, то есть – воскресением. Именно воскресение является этимологическим значением имени Анастасия, и Платонов дает его своей героине не случайно – в ней предстает будущее, вырвавшееся за пределы загробного мира. Таким образом, идентификация пространства смерти в повести «Котлован» и ее противопоставление пространству жизни открывает новые возможности интерпретации текста и советской действительности 30-х годов.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.
3. Никольский С.А. Живое и мертвое // Вопросы философии. – 2014. – №9. – С 220–240.

4. *Омэнн Д.* Монашество на Западе // Христианская духовность в католической традиции / пер. с англ. *Н.Вакуленко*; ред. *С. Вакуленко*. – Минск, 1994.
5. *Платонов А.П.* Котлован: повести. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 300 с.
6. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000.
7. *Фромм Э.* Человек для себя. – М.: Астрель, 2012.

